

Вид Свято-Николаевского
монастыря Пермской епархии. 1917 г.

Протоиерей Алексей Марченко

Красногвардейский штурм подворья Белогорского монастыря в Перми в феврале 1918 года

Многочисленные работы светских и церковных ученых, посвященные истории Русской Церкви в период Октябрьской революции и Гражданской войны¹, неизбежно затрагивают различные аспекты репрессивной политики большевиков в отношении духовенства и мирян. Однако целый ряд вопросов, связанных с этой чрезвычайно важной для Церкви темой, имеющей прямую связь с процессом прославления новомучеников, развитием современной агиографии и литургики, по-прежнему остается малоизученным.

По мнению историка С. В. Леонова, «ряд ключевых проблем не получил пока убедительного разрешения и носит дискуссионный характер. Среди них: непосредственные цели политики большевиков по отношению к Церкви в этот период и факторы антицерковного террора; соотношение террора “сверху” (со стороны официальных структур) и “снизу”; позиция преоблада-

ющей части городского и сельского населения; численность подвергшихся репрессиям священнослужителей, прихожан и т. д.»²

Против богоборцев — крестным ходом и набатным звоном

Недостаток документального материала и тенденциозность его изучения привели к воз-

никновению в массовом церковном сознании ложных стереотипов, в том числе о стихийном характере красного террора, мученически кротком поведении церковных иерархов и духовенства, безответности карательных акций советских властей со стороны Церкви. Во многом такие штампы стали возможны по причине недостаточного осмысления как с церковно-исторической, так и с нравственно-канонической стороны форм церковного сопротивления гонениям. Преодоление указанных стереотипов на современном этапе становится исключительно важным и возможно на основе беспристрастного комплексного изучения всех имеющихся данных, собранных в каждой епархии Русской Православной Церкви.

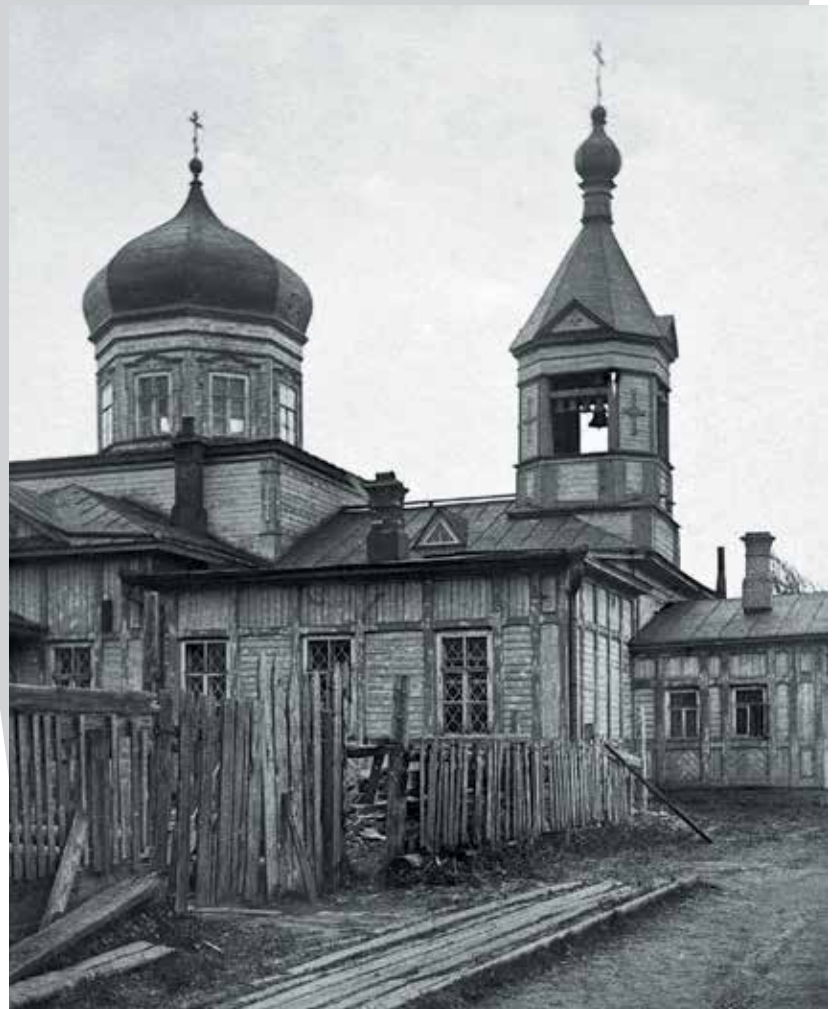
Анализируя антицерковные акции советской власти периода подготовки и проведения в жизнь декрета «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» конца 1917 — начала 1918 года, историки не раз отмечали, что некоторые из них заканчивались столкновениями верующих с военизированными формированиями большевиков — отрядами Красной гвардии, которые обычно приводили к жертвам с церковной стороны. В этом неравном противостоянии Церковь обрела своих первых новомучеников. Хрестоматийным примером является попытка силового захвата жилых помещений Александро-Невской лавры в Петрограде 19 января 1918 года. Тогда лавру удалось отстоять, но в результате столкновения красногвардейцев с верующими был убит петроградский протоиерей священномученик Петр Скипетров. На попытку захвата лавры православные жители столицы ответили массовыми крестными ходами по улицам города³.

Характерно, что именно крестные ходы в то время стали наиболее распространенной, безупречной с религиозно-нравственной точки зрения, формой выражения протеста и сопротивления церковного народа действиям богоборцев. Сопровождаемые колокольным звоном городских и сельских храмов, крестные ходы представляли собой вполне традиционные массовые мероприятия церковно-литургического характера. Однако в условиях разворачивавшихся гонений они приобретали иной смысл, становясь акцией солидарности верующих и одновременно

Священномученик епископ Пермский и Кунгурский Андроник (Никольский) и настоятель Белогорского монастыря сщмч. архим. Варлаам (Коноплев). 1916 г.

Белогорское подворье. 1920-е гг. Коллекция И. Ю. Кориненко

Вид на центральную часть г. Перми до 1917 г. Пермский краеведческий музей

методом психологического устрашения представителей советской власти. Крестные ходы состоялись в Москве, Нижнем Новгороде, Перми, Воронеже и других городах. Не везде удалось сохранить мирный характер церковных шествий. В Харькове, Нижнем Новгороде, Владимире, Саратове, Туле, Воронеже, Шацке, Вятке устроенные без разрешения местных властей крестные ходы привели к столкновениям и кровопролитию⁴. Всего, по данным официальных советских источников, с января по май 1918 года «в волнениях на религиозной почве» погибло 687 человек⁵.

Необходимо признать, что не только Православная Церковь несла потери, и акции подавления властями народного протеста не всегда оставались безответными со стороны верующих. В отдельных епархиях борьба духовенства и мирян с богоборческой властью приобретала очаговый вооруженный характер. Неожиданно для себя большевики получали адекватный отпор. В результате оборонительных действий, организованных духовенством с использованием набатного звона и применением оружия, в течение только одного года (вторая половина 1918 — первая половина 1919 г.) было убито 138 коммуни-

стов⁶. Такие случаи были немногочисленны, но именно они часто становились причиной обвинений духовенства в нарушении нравственно-канонических границ, подстрекательстве народа к мятежу против советской власти и оправданием последующих советских карательных акций.

Один из таких эпизодов вооруженного сопротивления верующих властям имел место в феврале 1918 года в Пермской епархии при реквизиции имущества подворья Белогорского Свято-Николаевского мужского миссионерского монастыря.

Стойте насмерть!

20 января / 2 февраля 1918 года Всероссийский центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров приняли декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», более известный как декрет «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви». Новый закон был официально опубликован 23 января / 5 февраля 1918 года «Газетой рабочего и крестьянского правительства».

Статья 12 документа гласила: «Никакие церковные и религиозные общества не имеют пра-

*Монашеская
братия
Белогорского
монастыря. 1915 г.*

ва владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют». Статья 13: «Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием»⁷. Таким образом, советская власть на законодательном уровне лишала Церковь права иметь какую-либо собственность и самостоятельно распоряжаться своим прежним имуществом.

Новый закон вызвал крайне негативную реакцию со стороны Церкви. 25 января / 7 февраля 1918 года, через день после официальной публикации декрета, Поместный Собор Православной Российской Церкви издал краткое, но вполне категорическое Постановление «По поводу декрета СНК «Об отделении Церкви от государства»»: «1. Изданный Советом народных комиссаров декрет об отделении Церкви от государства представляет собою под видом закона о свободе совести злостное покушение на весь строй жизни Православной Церкви и акт открытого против нее гонения. 2. Всякое участие как в издании сего враждебного Церкви узаконения, так и в попытках провести его в жизнь несовместимо с принадлежностью к Православной Церкви и навлекает на виновных кары вплоть до отлучения от Церкви

(в последование 73-му правилу святых апостол и 13-му правилу VII Вселенского Собора)»⁸.

28 января / 10 февраля 1918 года декрет «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» был опубликован в Перми в газете «Известия Пермского губисполкома»⁹.

Епископом Пермским и Кунгурским Андроником (Никольским) было составлено «Послание к духовенству и прихожанам» в духе вышеприведенного постановления Поместного Собора. Архипастырь предупреждал о возможном нападении захватчиков церковного имущества и обязывал священников подготовить свою паству к такой опасности.

В послании содержалась четкая инструкция к действию. Каждый священник и церковный староста должен был клятвенно призывать своих прихожан к защите церковей и монастырей и предупредить, что «в случае нападения захватчиков будет дан набатный звон колоколов, на который православные должны спешить...».

В случае совершения попытки захвата имущества священник должен был зачитать захватчикам «до времени сохраняемое письменное отлучение и проклятие», составленное

*Пермские
красногвардейцы-
железнодорожники.
В верхнем ряду
крайний слева
В. П. Матвеев —
командир отряда.
Государственный
архив Пермского
края*

епископом Андроником. Заверенная копия анафемы должна была немедленно появиться на стенах храма для всеобщего ознакомления.

Послание также предусматривало меры принуждения верующих к защите церковного достоинства. Пастырям надлежало объявить прихожанам, что «в случае допущения ими насилия над церковью или обителью их церковь будет закрыта», а виновники будут отлучены от Святого Причастия. Послание заканчивалось призывом: «Стойте даже до смерти!»¹⁰.

Таким образом, епископ Андроник, требуя от священников и мирян встать на защиту церковного достоинства, шел на крайние меры. Благословение преосвященного «стоять насмерть» под страхом церковных прещений и закрытия храмов священноначалием казалось многим слишком суровым. К тому же послание архиерея не объясняло, какими средствами могла быть организована такая оборона против вооруженных захватчиков, действующих от имени власти.

Разослав свое послание, преосвященный Андроник 26 января / 8 февраля отбыл из Перми в Москву для участия в заседаниях Всероссийского Поместного Собора¹¹.

Заметим, что ранее февраля 1918 года пермские большевики не предпринимали враждеб-

ных и насильственных действий против Православной Церкви, посягательств на церковное имущество не было. Власти не возбраняли духовенству и верующим Пермской епархии совершать крестные ходы¹². Однако холодной зимой 1918 года все изменилось — советская власть в Пермской губернии столкнулась с сильнейшим продовольственным кризисом. Нехватка продуктов питания и наличных денег привела почти к полному параличу торговли, что угрожало населению голодом. В поисках выхода из сложившейся ситуации власти прибегли к всеместной реквизиции продуктов питания и товаров первой необходимости у частных собственников — купцов, лавочников, зажиточных крестьян. Помимо этого, в городе Перми ощущалась острая нехватка жилых и хозяйственных помещений для размещения советских учреждений и их работников.

В связи с этим появление декрета «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» оказалось на руку властям. Поскольку в феврале 1918 года никаких пояснительных документов относительно реализации нового закона советским правительством еще не было издано, местные власти сочли своим правом отбирать недвижимое и движимое имущество храмов

и монастырей, принадлежавшие им продовольственные запасы.

Конфискацию жилых помещений, продуктов и другого имущества Комитет рабочих и солдатских депутатов города Перми решил начать с Пермского Успенского женского монастыря и пермского подворья Белогорского Свято-Николаевского мужского миссионерского монастыря, имевших, в отличие от приходских храмов, келейные корпуса, большое хозяйство, продукты и деньги.

В красногвардейской осаде

Белогорское подворье — небольшой деревянный храм, сооруженный в 1903 году во имя святителя Иоанна Златоуста, с прилегающими к нему монастырскими постройками. Эта церковь всегда привлекала внимание жителей города. Верующим пермякам нравились длительные монастырские богослужения, отличавшиеся торжественностью и благолепием. Не только в праздники, но и в простые дни храм был переполнен молящимися. В народе искренне считали: «В Белогорском подворье и можно только получить истинную уладу и утешение во время молитвы»¹³.

Монашеская братия, проживавшая на подворье, была небольшой. Состав насельников периодически менялся и насчитывал от 15 до 60 человек. Кроме иеромонахов и иеродиаконов здесь проживало несколько десятков монастырских послушников, выполнявших хозяйственные послушания, и певчих мужского братского хора. В Белогорском подворье располагались специальные курсы для любителей церковного пения, где проходили практику те, кто желал стать псаломщиками, диаконами и певчими. С 1918 по октябрь 1919 года настоятелем пермского подворья Белогорского монастыря был иеромонах Григорий (в миру Григорий Михайлович Честиков). В 1916 году иеромонах Григорий вернулся в монастырь из действующей армии, где служил полковым священником в казачьих частях под Перемышлем¹⁴.

Дополнительной мотивацией к нападению большевиков на Белогорское подворье стали подозрения властей в желании белогорских монахов свергнуть советскую власть в Перми руками возвращавшихся с фронта сибирских

казачьих формирований. Очевидно, отец Григорий поддерживал почтовую связь с офицерами казачьих войск. Узнав о возвращении казаков с фронта в Сибирь, он сообщил об этом своим прихожанам. По городу была распространена отпечатанная листовка, в которой белогорские монахи призывали население Перми «оказать помощь фронтовикам и достойно встретить казаков — защитников Отечества». Этот документ попал в руки губернского исполкома и руководства Красной гвардии и вызвал сильное беспокойство советских властей¹⁵.

Обследование помещений и составление описи монастырских кладовых большевики решили выполнить руками членов общественной организации «Союз увечных воинов и инвалидов», созданной в разгар Первой мировой войны. Это были демобилизованные из армии солдаты-калеки, которым было некуда деваться и нечего есть. До Октябрьского переворота их содержание ложилось на плечи местного самоуправления. Однако новые власти превратили несчастных инвалидов в послушное орудие исполнения своих преступных замыслов. Возможно, воины-инвалиды были привлечены к этой операции с тем расчетом, что патриотично настроенные белогорские монахи, всегда с особым сочувствием относившиеся к защитникам Отечества, подчинятся и не окажут серьезного сопротивления.

7/20 февраля делегация Союза увечных воинов и инвалидов появилась в Белогорском подворье. На вопрос, имеются ли у них продукты, монахи ответили отрицательно. Предъявив документ, разрешающий осмотр помещений, инвалиды потребовали отворить двери кладовых подворья. В ходе осмотра были обнаружены спрятанные монахами «под видом мусора» большое количество крупы, сахар, мед и другие продукты.

На следующий день, 8/21 февраля, четыре члена Союза увечных воинов и инвалидов в сопровождении вооруженных красногвардейцев вновь отправились на подворье, чтобы произвести опись найденных продуктов и имущества в помещениях. Однако монахи не позволили им сделать это. Один из монахов ударом увесистой палки серьезно ранил инвалида.

Следуя инструкции епископа Андроника, иноки стали набатным звоном созывать верующих на защиту подворья. Собралась толпа народа:

П. И. Малков
в 1918 г.

лавочки, чиновники, студенты, множество женщин. Люди были настроены решительно, в толпе начали раздаваться речи, призывавшие к насилию по отношению к реквизиторам. Под непрерывающийся набат из ворот Иоанно-Златоустовского храма вышел крестный ход с хоругвями и иконами, ведомый подворскими иеромонахами. Со всех сторон люди присоединялись к церковному шествию и с пением шли по прилегающим к подворью улицам.

Раздававшийся в городе набатный звон монастырского колокола встревожил штаб Красной гвардии. Основные силы красногвардейцев размещались в занятом ими здании Пермского духовного училища¹⁶. Сначала для наведения порядка к подворью было послано несколько мелких отрядов, состоявших из рабочих предприятий Перми и Мотовилихи. Приблизившиеся к идущей крестным ходом толпе малочисленные и плохо обученные красногвардейцы были подвергнуты нападению со стороны верующих, избиты и обезоружены. Вскоре им на выручку были вызваны более крупные отряды Красной гвардии. Один из них состоял из пермских железнодорожников под командованием В. Матвеева и М. Смирнова, другой — из мотовилихинских рабочих под командованием П. Малкова и Чернышева.

Красногвардейцы прибыли к Белогорскому подворью и выстрелами в воздух стали разго-

нять крестный ход и собравшуюся толпу народа. Услышав стрельбу, люди в панике начали разбегаться. Преследуемые бегущими красногвардейцами, участники крестного хода скрылись за высоким монастырским забором. Красногвардейцы окружили подворье и вскоре ворвались в ворота. Чтобы прекратить набатный звон, они сделали несколько выстрелов по колокольне, после чего колокол замолчал.

Неожиданно для красногвардейцев с верхних этажей смежных с храмом домов стали раздаваться выстрелы. Стреляли умело, точно в цель. Под командиром отряда П. И. Малковым была ранена лошадь, было ранено и убито несколько красногвардейцев.

Несмотря на завязавшуюся перестрелку, наиболее решительные прихожане — защитники подворья не собирались отступить. Часть людей заперлась в храме, другие остались стоять на паперти церкви. По приказу командира другого отряда В. Матвеева красногвардейцы дали ружейно-пулеметный залп по сгрудившимся на паперти храма безоружным людям, преимущественно женщинам, преградившим вход в церковь. Начался штурм храма. За закрытыми дверями слышалось церковное пение, настоятель подворья иеромонах Григорий служил молебен.

Расправа над насельниками

Красногвардейцы засели под окнами, массивные деревянные двери церкви были взорваны заложённой под них гранатой. Стрельба с обеих сторон продолжилась и в храме. Вскоре сопротивление верующих было подавлено. Всего в этот день было убито 12–15 человек, большинство из которых оказались бойцами Красной гвардии. Трупы погибших сложили на соседнем с храмом хозяйственном дворе. Подворье грабили две недели.

По сведениям местных газет, в Белогорском подворье красногвардейцы арестовали несколько «духовных лиц, одетых в солдатские шинели». Вероятнее всего, это были монастырские послушники, в годы войны мобилизованные в армию и недавно вернувшиеся с фронта. Не имея документов и одежды, они временно проживали в Перми на подворье, ожидая возможности вернуться в Белогорский монастырь, находящийся в Осинском уезде, в 120 верстах от го-

Красногвардейцы-
заводчане 1918 г.

рода. Именно они, научившись на войне владеть огнестрельным оружием, могли открыть огонь по красногвардейцам, воспользовавшись захваченными у них же винтовками и пистолетами. Арестованные были немедленно доставлены в исполнительный комитет для дачи показаний.

Среди них оказались рясофорный послушник Алексей Коротков и его родной брат иеродиакон Евфимий (Коротков), служивший на подворье. В ходе допроса выяснилось, что именно отец Евфимий бил в колокол, призывая верующих на защиту. Установив причастность братьев к вооруженному сопротивлению, большевики вынесли им смертный приговор. 9/22 февраля 1918 года иеродиакон Евфимий и послушник Алексей были казнены. После истязаний они были расстреляны. По версии иеромонаха Дамаскина (Орловского), казнь состоялась на берегу реки Камы. Тела убиенных братьев были брошены на льду для устрашения¹⁷.

Подавив вооруженное сопротивление, большевики ожидали реакции со стороны Пермской епархии. На следующий день, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию и принять меры по предупреждению дальнейшего произвола и кровопролития, в народном зале часовни святого Стефана Пермского собрались наиболее автори-

тетные представители городского духовенства. Узнав о собрании, красногвардейцы арестовали всех его участников. Однако, испугавшись новых народных возмущений, власти вскоре отпустили священников, взяв с них подписку — не выполнять распоряжение епископа Андроника, «не призывать в проповедях народ к сопротивлению и не организовывать крестных ходов»¹⁸.

10/23 февраля газета «Пермские епархиальные ведомости» опубликовала короткую статью, в которой правдиво сообщалось об истинных причинах произошедшего кровопролития: «В начале февраля в г. Перми произошли волнения, поводом к которым послужило занятие властями помещений, главным образом Белогорского подворья и отчасти женского монастыря. Дело доходило до кровавых столкновений. Были жертвы со стороны народа и со стороны Красной гвардии. Благодаря принятым мерам скоро все успокоилось, и теперь в городе порядок»¹⁹.

В тот же день о событиях, произошедших на Белогорском подворье, сообщила жителям Перми и большевистская газета «Известия Пермского губисполкома». Искажая действительность, власти в ином ракурсе объясняли свои действия. Они обвиняли белогорских монахов и послушников в утаивании продуктов, вооруженном

мятеже и аморальном, недостойном иноческого звания поведении: «...Вооруженное сопротивление, которое оказали “святые отцы” производству опиеси, поставило штаб в необходимость произвести в подворье обыск, при котором обнаружены в ризнице солдатские шинели, в кельях — патроны для браунинга. Кроме того, обнаружено 15 флаконов одеколона и ½ бутылки спирта. Пусть ответят верующие, защищавшие кладовые, к лицу ли смиренным инокам душиться одеколоном. Или же он предназначался для внутреннего употребления? Дела это не меняет. Можно только сказать одно: вся эта история показала, что делалось за стеной подворья под видом религии. Истинно верующие должны были бы быть довольны и понять, что не с религией борется советская власть, а с темными делами и делишками, которые совершаются под ее прикрытием»²⁰.

Епископу Андронику в Москву викарный епископ Соликамский Феофан (Ильменский) и духовенство послали подробное донесение о случившемся кровопролитии и начавшихся в Перми насилиях над православными²¹. 19 февраля / 4 марта 1918 года преосвященный Андроник написал и отправил в Пермь ответное письмо, в котором откликнулся на штурм Белогорского подворья: «Да упокоит Господь и простит вольные и невольные прегрешения всех православных иноков и мирских, убиенных в г. Перми за святую веру и Церковь на Белогорском подворье. Да благословит Господь усердие всех, кто тогда крепко стояли за церковные святыни, боясь одного Бога, а не устрашений вражеских. Да ободрятся и все православные христиане стоять и ревновать за Святую Церковь, чтобы не давать врагу нашего спасения расхитить наше святое достояние. Всех же восстающих на Святую Церковь и ругающих ее и ее служителей именем Божиим заклинаю не делать угодное отдающему нас всех на вражду и злобу диаволу, но опомниться и сознать, что ведь все мы православные христиане. Если же они этого не сделают и не раскаются, то таковых, как врагов Церкви, отлучаю от Святого Причастия и от надежды на вечное спасение. И если кто из них тайно или обманом священника причастится, то таковое причастие будет им вместе с Иудой Искариотским в вечное осуждение». Это

обращение епархиального архиерея о гибели на Белогорском подворье иноков и мирян было разослано по храмам Перми и Мотовилихинского завода²².

Вернувшись в апреле 1918 года в Пермь, епископ Андроник продолжал публично обличать советскую власть и был арестован органами Пермской губернской чрезвычайной комиссии. В своем «Объяснении на постановление Следственной комиссии Пермского революционного трибунала» от 7 июня 1918 года преосвященный Андроник полностью подтвердил свою неприимую позицию в отношении защиты церковной собственности, оправдывал решительные действия монахов и прихожан при обороне Белогорского подворья, обвиняя в случившемся кровопролитии исключительно власти: «...Если бы красноармейцы не приложили к делу оружия, то все мирно и кончилось бы, ибо было бы ясно, что верующий народ определенно и решительно высказывает свою власть народную, отстаивая церковное достояние... Если бы моим призывом к народу и везде воспользовались, то не было бы захватов и насилий, ибо верующий народ сам заявил бы ясно свой голос против реквизиции церковной, монастырской и их имуществ...»²³

Таким образом, в Перми начало проведения в жизнь декрета «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» привело к кровопролитию на подворье Белогорского Свято-Николаевского мужского миссионерского монастыря 8/21 февраля 1918 года.

Это был один из первых случаев кровавого насилия большевиков в отношении духовенства и верующих, а также оказания вооруженного сопротивления народа антицерковным акциям на Урале. Настрой верующих, их готовность к мученичеству и открытой борьбе за церковное достояние во многом зависели от личной позиции епархиального архиерея епископа Пермского и Кунгурского Андроника, призывавшего духовенство и народ защищать церковное имущество.

Разгром Белогорского подворья лег позорным кровавым пятном на тех, кто отдал приказ стрелять в безоружных людей. Однако некоторые участники инцидента считали его ярким и героическим событием своей жизни. Командир одного из красногвардейских отря-

дов В. П. Матвеев впоследствии красочно рассказал о февральском разгроме Белогорского подворья в своей литературной повести для детей «Последний день Хлябинского совнаркома». В порыве художественного творчества он приписал себе главную роль в организации штурма и полностью возложил ответственность за случившееся кровопролитие на белогорских насельников. В рассказе В. Матвеев фигурирует под именем «Ребров»²⁴. Советский журналист и писатель В. П. Матвеев был осужден и расстрелян в 1939 году.

Получив на подворье неожиданный вооруженный отпор со стороны монахов и послушников, большевики стали воспринимать Белогорский Свято-Николаевский мужской миссионерский монастырь как «гнездо контрреволюции». Свою ненависть к знаменитой уральской обители они выместили летом 1918 года, с особой жестокостью казнив ее настоятеля архимандрита Варлаама (Коноплева) и более 40 насельников монастыря. Непосредственное организационное участие в расправах над белогорскими иноками принимал бывший командир мотовилихинских красногвардейцев П. И. Малков, ставший членом коллегии Пермской губернской чрезвычайной комиссии, а затем ее председателем. Малков также руководил арестом архиепископа Пермского и Кунгурского Андроника и великого князя Михаила Александровича. Лично участвовал в убийстве последне-

го. Впоследствии находился на партийной работе, занимал крупные должности в Министерстве внешней торговли СССР. Умер в 1956 году.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- В Белогорском подворье // Известия Пермского губисполкома. 1918. № 27. 23 февр.
- Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь и советская власть в 1917–1927 гг. // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 40–54.
- Волнения на религиозной почве // ПЕВ. 1918. № 6. 21 февр. Отд. первый.
- Дамаскин (Орловский), иером. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Тверь, 1996. Кн. 2.
- Действия Правительства. Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах // Известия Пермского губисполкома. 1918. № 17. 28 янв.
- Дело архиепископа Андроника // Освобождение России. 24 апр. 1919. № 89.
- Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 3: Протоколы Священного Собора. М., 2014.
- Кашеваров А. Н. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). М., 2005.
- Леонов С. В. Антицерковный террор в период Октябрьской революции сквозь призму историографии // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 2 (57).
- Матвеев В. Последний день Хлябинского совнаркома. М.; Л., 1931.
- Объявления // ПЕВ. 1918. № 4–5. Отд. первый.
- Нечаев М. Г. Церковь на Урале в период великих потрясений (1917–1922). Пермь, 2004.
- По поводу постановления экстренного съезда Епархиального духовенства о закрытии некоторых монастырей // ПЕВ. 1906. № 16. 1 июня. Отд. неоф.
- Последние известия // ПЕВ. 1918. № 6. Отд. второй.
- Русская Православная Церковь 1917–1941: документы и фотоматериалы. М., 1996.
- Светлой памяти замученного архипастыря // Освобождение России. 1919. № 14. 19 янв.
- Список лиц духовного звания, погибших от большевиков // Освобождение России. 1919. № 17. 23 янв.
- Список священнослужителей и монашествующих Пермской епархии, павших жертвами большевистского гонения на Святую Церковь // ПЕВ. 1919. 28 марта.
- Цыпин В., прот. История Русской Церкви. XX век. М., 2006.
- Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX в. М., 2010.
- Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999.
- Curtiss J. C. The Russian Church and the Soviet State, 1917–1950. Boston, 1953 (reprinted in 1965).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Нечаев М. Г. Церковь на Урале в период великих потрясений (1917–1922). Пермь, 2004; Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь и советская власть в 1917–1927 гг. // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 40–54; Цыпин В., прот. История Русской Церкви. XX век. М., 2006; Кашеваров А. Н. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). М., 2005; Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX в. М., 2010.
- ² Леонов С. В. Антицерковный террор в период Октябрьской революции сквозь призму историографии // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 2 (57). С. 38.
- ³ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. С. 73.
- ⁴ Цыпин В., прот. Указ. соч. С. 19.
- ⁵ Curtiss J. C. The Russian Church and the Soviet State, 1917–1950. Boston, 1953 (reprinted in 1965). P. 57.
- ⁶ Цит. по: Леонов С. В. Указ. соч. С. 42.
- ⁷ Русская Православная Церковь 1917–1941: документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 30.
- ⁸ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 3: Протоколы Священного Собора. М., 2014. С. 251–253.
- ⁹ Действия Правительства. Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах // Известия Пермского губисполкома. 1918. № 17. 28 янв. С. 1.
- ¹⁰ Государственный архив Пермского края (далее — ГАПК). Ф. р-656. Оп. 1. Д. 25. Л. 11.

- ¹¹ Объявления // Пермские епархиальные ведомости (далее — ПЕВ). 1918. № 4–5. Отд. первый. С. 7.
- ¹² Светлой памяти замученного архипастыря // Освобождение России. 1919. № 14. 19 янв. С. 3.
- ¹³ По поводу постановления экстренного съезда Епархиального духовенства о закрытии некоторых монастырей // ПЕВ. 1906. № 16. 1 июня. Отд. неоф. С. 304–305.
- ¹⁴ Пермский государственный архив социально-политической истории. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10078. Л. 13, 40, 56.
- ¹⁵ Матвеев В. Последний день Хлябинского совнаркома. М.; Л., 1931. С. 10.
- ¹⁶ Последние известия // ПЕВ. 1918. № 6. Отд. второй. С. 66.
- ¹⁷ Дамаскин (Орловский), иером. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Тверь, 1996. Кн. 2. С. 19–20.
- ¹⁸ Светлой памяти замученного архипастыря // Освобождение России. 1919. № 14. 19 янв. С. 3.
- ¹⁹ Волнения на религиозной почве // ПЕВ. 1918. № 6. 21 февр. Отд. второй. С. 64–65.
- ²⁰ В Белогорском подворье // Известия Пермского губисполкома. 1918. № 27. 23 февр. С. 4.
- ²¹ Светлой памяти замученного архипастыря // Освобождение России. 1919. № 14. 19 янв. С. 3.
- ²² ГАПК. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.
- ²³ Дело архиепископа Андроника // Освобождение России. 24 апр. 1919. № 89. С. 2.
- ²⁴ Матвеев В. Указ. соч. С. 3–12.